

В. И. ЖЕКУЛИНА

АТАМАН

**(ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА
СОБИРАТЕЛЯ ЖЕКУЛИНОЙ ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ.
ЭКСПЕДИЦИЯ В СТАРОРУССКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ РАЙОНЫ
НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ С 19 ПО 27 ИЮНЯ 1979 г.)**

В 1979 г. издательством «Наука» был выпущен в свет сборник «Традиционный фольклор Новгородской области : По записям 1963—1976 гг. Вып. 1: Песни, причитания». Это первое научное издание, открывающее серию выпусков сборников Новгородского фольклора. В 2001 г. вышел второй выпуск сборника, а в 2006 г. — третий. Все три выпуска содержат уникальный фольклорный материал, записанный на территории Новгородской земли.

С конца XVII в. Новгород — крупный культурный центр интересов этнографов, археологов, фольклористов. Уже в начале XIX в. стали скапливаться фольклорные материалы в различных архивах, а с 1853 г. в «Новгородских губернских ведомостях» началась регулярная публикация песен, сказок, быличек, преданий, обрядового фольклора, записанных в разных уголках Новгородской губернии.

Собирательская деятельность не прекращалась и в трудные для страны годы, даже во время Великой Отечественной войны. Более того — трагическое время родило новый фольклорный жанр — устные рассказы. После войны собирательская работа приобрела планомерный характер, а собранный материал поступал в архивы, которые стали организовываться при филологических факультетах пединститутов и научно-исследовательских центрах. Записи новгородского фольклора передавались в руко-

писный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Самыми ранними новгородскими записями, поступившими в архив ИРЛИ, были материалы Ратькова 1861—1876 гг. Они стали основой коллекции 169 (папка 5, № 1—8). Постепенно архив пополнялся записями разных лет, и на данный момент в Рукописном отделе ИРЛИ (разряд V) хранится около пятидесяти коллекций, содержащих большое количество текстов разных жанров (единиц хранения).

Вторым крупным хранилищем новгородского фольклора стал Новгородский педагогический институт (ныне Государственный университет им. Ярослава Мудрого). Ежегодные экспедиции, особенно в 70—80-е гг., пополняли фольклорную коллекцию, и результатом собирательской деятельности стали сборники и научные статьи.

Экспедиция 1979 г. в Старорусский и Новгородский районы Новгородской области имела определенное задание, связанное с изданием первого выпуска новгородского фольклора: на последнем издательском этапе возникла необходимость уточнить ряд положений и ответить на конкретные вопросы издателей. Один из них был связан с публикацией редкого жанра — народной драмы «Атаман», единственной тогда записи за всю историю собирательской деятельности на Новгородской земле.

Впервые драма «Атаман» (другие названия — «Лодка» и «Шайка разбойников») была записана 15 декабря 1976 г. студенткой Новгородского педагогического института Н. В. Антоновой в деревне Сотско Старорусского района от Анастасии Степановны Черновой, малограмотной, 74 лет. Запись сделана от руки чернилами.

Вторично народная драма была записана на магнитофон 22 июня 1979 г. В. И. Жекулиной. Запись хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (р. V, кол. 241-10-8, п. 32—34). Сопоставление двух записей драмы с интервалом в 3 года показало удивительную картину: текст не только не забылся, но даже увеличился за счет включения песен, картин и реплик героев. Соотношение, примерно: 145 стихов на 210.

Сотско — деревня в 30 км от города Старой Руссы. Раскинулась она по живописному берегу речки Веряжки. Когда-то это была большая деревня с животноводческой фермой и клубом, в котором почти каждый день что-нибудь проводилось: молодежкая зав. клубом Люба пыталась собрать немногочисленную молодежь и организовать агитбригаду.

Деревня не песенная, свадебный обряд почти забыт, на посиделки собирались работать и редко отвлекались, чтобы попеть или поиграть. Анастасия Степановна родилась в Сотско. Она многое помнит и охотно рассказывает сказки — Про Кошея бес-

смертного, Про Бову-королевича. А народную драму «Атаман» знает почти наизусть. Она помнит, что зимой 1976 г. пела и рассказывала студентке сцены — (картины, как она сказала) из драмы. У нее хорошая память, и она охотно вспоминает события прошлых лет. Записывать на магнитофон ее рассказы легко.

Анастасия Степановна девочкой много раз смотрела представление и запомнила песни, реплики, сцены и монологи персонажей драмы. Дело в том, что репетиции спектакля проходили в доме Анастасии Степановны, артисты переодевались в чулане, там же повторяли свои монологи, и девочка впитывала все, что видела и слышала.

В представлении принимали участие 12 человек. Мужчины были и пожилые, и совсем молоденькие. Женскую роль играл миловидный молодой парень. В драме играл и отец Анастасии Степановны, играл разбойника и «делал, чего атаман заставит». Отец Анастасии Степановны был активным участником этих святочных игр.

«Артисты» пользовались большой популярностью в своей и соседних деревнях. Играли они обычно поздно вечером. Народу собиралось множество. Смотрели по нескольку раз. «Артисты» приходили в «костюмах» из бумаги, шапочки были тоже бумажные, а сабли и пистолеты — из картона.

«Атаман» — самая популярная народная пьеса, в сюжете которой соединено трагическое и комическое, реальность и фантастика, любовь и смерть. Драма — поздний жанр русского фольклора, репертуар которого складывался с середины XVII в. («Лодка», «Царь Максимилиан», «Барин», «Мнимый барин» и др.). К концу XIX в. накопилось большое количество вариантов этого пьес, популярных в среде солдат, прислуги, мелких ремесленников, а в конце XIX — начале XX в. известных и в деревнях, расположенных, как правило, вблизи городов. С течением времени в регионах складывался свой репертуар, в сюжете драмы закреплялись местные особенности быта, определялся состав «артистов».

Сами сюжеты имели устойчивую сложную структуру, а центром народной драмы был ее герой — царь, барин, атаман, с которыми связаны все происходящие события, обычно заканчивающиеся трагически: убийством, казнью, тюрьмой. Но трагическое в народной драме может стать комическим, смешным, занимательным, а поступки героев — нелепыми. Ужасное легко соединяется с «жалостливым».

В народной драме обязательно присутствует женский персонаж, но как антагонист главному герою. Так, в «Атамане» — это пленница, в которую влюбляется атаман, в «Барине» — панья, с которой барин танцует, в «Царе Максимилиане» — Богиня, отказывающаяся идти замуж за царя.

Н. И. Савушкина, исследуя сложную структуру народной драмы, замечает, что «любовная ситуация развивается в тех случаях, когда дополняет и углубляет ситуацию социальную».¹ В «Атамане» конфликт атаман—девушка-пленница не находит своего разрешения и как бы выпадает из сюжетной линии.

Драма «Атаман», записанная на Новгородчине, сохранила основную сюжетную канву, состав героев, пародийную манеру подачи текста, особенности поведения «артистов» на сцене. Известно, что все участники драмы располагались одновременно на сцене (в избе, на улице) полукругом (подковой). Слова своей роли произносили, выдвинувшись из строя на несколько шагов вперед, а закончив речь, становились на свое место. Все действие происходило очень быстро, без пауз: монологи сменялись диалогами, а диалоги заканчивались песнями, часто исполняемыми хором. И на этом искрометном фоне разворачивалась череда событий: атаман намерен плыть по Волге и требует построить легкую лодку; лодка тут же строится, о чем сообщается в монологе или песне; атаман перед плаванием хочет укрепить свою шайку, и к нему приводят пришельца; приказ есаулу — «саблю очистить, пищаль зарядить» — и мгновенное исполнение; обещание жестокой расправы с врагами:

Самому другу и то не спущу —
В ужасной пучине как раз утоплю;

нападение на барскую усадьбу и убийство хозяина поместья:

У старика деньги ведутся, —
Давай пулей старика!

Удачный поход завершается пирушкой и песней: «Друзья, бутылки наливайте», — и справедливым разделом добычи.

В драме всякое событие подкрепляется песней, близкой по содержанию к ситуации, которая требует озвучивания. Всего во время «разыгрывания» драмы исполнялось 7 песен (7 — в записи 1976 г. и столько же в записи 1979 г.). Это в основном разбойничьи песни: «Что по матушке по Волге», «Ничего в волнах не видно», «Взойди, взойди, красно солнышко», «Что по бору, бору темному»; плясовая песня «И толь на горке, на горочке»; застольная разбойников «Друзья, бутылки наливайте» и песня пленницы Наташи в тюрьме «Несчастлива я на свет родилась».

Все песни записаны в хоровом исполнении, кроме разбойничьей «Что по бору, бору темному», которая в записи 1976 г. дана

¹ Савушкина Н. И. Русская народная драма. М., 1988. С. 54.

в пересказе исполнительницы в стиле напевного рассказа: «Что за тишь, как здесь уютно».

Каждая из песен в зависимости от ситуации могла исполняться в полном варианте или как песенный отрывок, включенный в прозу. В «Атамане» песни как бы открывали и закрывали действия и, как частный вариант, какая-нибудь песня разбивалась на отрывки и исполнялись 3—4 раза в течение всего действия. Очень часто роль отрывка-вкрапления исполняла популярная песня «Вниз по матушке по Волге».

С течением времени драма выработала свои сюжетно-композиционные особенности, в частности роль зачинов и концовок. Как правило, они не были связаны с содержанием драмы, а являлись как бы «переключателями» реального времени в сценическое и обратно.

Зачином могла быть фраза из монолога, произносимая напевно («Что за тишь, как здесь уютно» — запись 1976 г.), или комический текст русских лубков, или зачины обрядового фольклора:

Принимай-ка нас, хозяин,
(...) Мы с добычей возвращались
Лучше питерских купцов,
(...) Мы закидывали сеть
Прямо дядюшке в клеть,
Мы поймали сорок шук,
Из которых шубы шьют,
(А. С. смеется)
А у дяди Петра
Мы поймали осетра,
(...) А у тети у Ирины
Утащили две перины,
А у тети у Настушки
Утащили две подушки.

(Запись 1979 г.)

Комическое перечисление «улова» без всякой логики превращается в угрозу: «Всех изрубим на куски!». Но слушатели реагируют на угрозу смехом (А. С. смеется своим же каламбурам и нелепостям ситуации).

Концовками обычно становились песни или ритмические монологи, исполняемые раешным стихом. Такие концовки не были строго сюжетно организованы, но могли быть сюжетно прикрепленными: так, концовкой драмы «Атаман» были песни «Вниз по Волге-реке», «Уж вы, сени, мои сени», «Среди лесов дремучих». А песня «Уж вы, сени» сопровождалась пляской.

Пляски в драме — довольно позднее явление. Напомним, что персонажи драмы статичны, они не действуют, а рассказывают в монологах и диалогах о своих действиях: о постройке лодки, о

плавании по Волге, о разгроме усадьбы, о пирушке, о пленнице. У них свое игровое пространство, и персонажи не должны нарушать его границы. У них своя ритмическая организованная речь и свой раешный язык — язык пародий и балагурства.

Так, и зачин, и концовка драмы «Атаман» в записи 1979 г. являются типичными образцами пародирования: в зачине это комическое перечисление «богатого» улова — сорок щук и две подушки, а в концовке — пародийное сватовство появившегося в финале драмы нового персонажа — еврея.

«Вбегает еврей и пляшет:

Натася, выйди за меня замусь,
Я живу богато:
У меня двор цертей,
Огород цервей,
Корова ялова
Телила дьявола».

Народная драма в поздний период своей жизни утрачивает основную жанровую особенность — статику: артист уже не стоит в течение всего представления в отведенном ему сценическом пространстве, а действует: пляшет, выбегает из строя, размахивает саблей, колет штыком. Так, новые персонажи — еврей, рыцарь и подрывщик, Наташины «братаны» — вбегают, налетают на атамана и ранят его. Артист, исполняющий роль атамана, «падает на колени, упирается штыком в землю, дрожит рука» — воссоздается вполне жизненная ситуация, воспроизведенная действием, а не словами. И ситуация эта, а также смерть атамана, понятны тем, кто играет, и тем, кто смотрит.

Формальное сопоставление двух полевых записей драмы «Атаман», сделанных с интервалом в три года, показало степень устойчивости текста: более поздняя запись оказалась значительно полнее — 210 вместо 145 строк.

Возможно, у исполнительницы сработал механизм ассоциативной памяти: какое-то слово, поступок вызвали образ забытого, и в памяти возникают картины прошлого, яркие и еле уловимые, но все-таки живые. Картины эти как своеобразный каркас не дают тексту разрушиться и способствуют воспроизведению более насыщенной, яркой истории.

Но возможна и другая интерпретация устойчивости и наполненности текста при более позднем его исполнении. Попробуем объяснить это с позиций психолингвистики. Исследователь/собираТЕЛЬ становится важным фактором в процессе собирательской деятельности, влияющим на ее результаты. В первом случае запись вела студентка. Материал записывался за исполнительницей вручную. В некоторых местах, когда собирательнице было

что-то непонятно или она не успевала вести запись, приходилось останавливать сказительницу, просить повторить отрывок драмы. В такой ситуации естественно часть информации пропадает.

Во втором случае полевая запись производилась научным сотрудником, женщиной среднего возраста, на магнитофон. Была создана благоприятная психологическая атмосфера: неподдельный интерес к истории жизни исполнительницы, чаепитие, небольшие подарки Анастасии Степановне. Запись не прерывалась. Эта комфортная обстановка (контекст) способствовала воссозданию дополнительных песен и картин драмы.

Умения собирателя вызвать доверие к себе, подстроиться к рассказчику, сопереживать его эмоциям, подчеркнуть уникальные способности человека к запоминанию народных песен, сказаний основываются на личностных особенностях исследователя и на его совершенствовании в развитии коммуникативных навыков, а именно, на умении не только слышать собеседника, но и слушать. Этой составляющей в работе будущего собирателя надо уделять больше внимания при подготовке студентов-филологов.

Таким образом, текст (полевая запись) неотделим от контекста (условий записи), где контекст понимается как точка отсчета, относительно которой совершается интерпретация событий, действий. В зависимости от контекста один и тот же текст может воспроизводиться по-разному. Активная позиция собирателя — серьезная подготовительная работа и непосредственно сам процесс записи — может привести к неожиданным фольклорным находкам.

А пока две полевые записи драмы «Атаман» дополнили фольклорную коллекцию ИРЛИ.²

АТАМАН

(Напевно)

Принимай-ка нас, хозяин, разудалых молодцов,
Мы с добычей возвращались лучше питерских купцов.
А мы рыбушку ловили по сухим берегам,
По сухим берегам, по амбарам, по клетям.
Мы закидывали сеть прямо к дядюшке в клеть.
Мы поймали сорок шук, из которых шубы шьют *(смеется)*,
А у дяди у Петра мы поймали осетра,
Сивогривую кобылу, вороного жеребца.
А у тети у Ирины утащили две перины,

² Традиционный фольклор Новгородской области : Сказки, легенды, предания, былички, заговоры / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001. С. 395—399.

А у тетки у Настушки утащили две подушки.
— Здравствуй, друг агаман!
— Здравствуй, друг есаул,
Подходи бодрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда!
На, саблю очисти, пищаль заряди,
Смотри, не мешкай, быстрее приходи!
— Я саблю очистил, пищаль зарядил,
Теперь что прикажешь, ты мой господин?
— Благодарю за службу, друг, иди, будь свободен.
Вот теперь и я пойду, подправлюсь, как господин,
Пойду прогуляюсь на Волге один.
Не едет ли кто там по Волге на лодке или на судне, —
Я постараюсь дать им место на дне.
Самому другу и то не спущу —
В ужасной пучине как раз утоплю.

(Есаулам и фарбантам³)

Мы не будем дураки,
Кто бы ни был каким франтом, всех изрубим на куски.
— Есаул! Погляди в зрительную трубку —
Не едет ли кто на лодке или на судне?

(Поют)

Что по матушке по Во-о-олге,
Да по широкой речке до-о-олгой
Поднималась непого-о-ода,
Непогодушка немала-а-ая,
Погодушка немала-а-ая,
Немалая, волнова-а-ая.
— Есаул! Посмотри-ка в зрительную трубку —
Не едет ли кто там на лодке или на судне,
Постараюсь дать им место на дне.

(Поют)

Ничего в волнах не ви-и-идно,
Только видно, только слы-ы-ы-шно,
Только видно, только слы-ы-ы-шно
Одна лодочка краснее-е-е-ет, да краснеет,
А на ней парусы беле-е-е-ют, да белеют,
А на гребцах шляпы чернее-е-ют, да чернеют.
Приворачивай, ребята, ко крутому бережочку,
Ко крутому бережочку, ко желтому ко песочку.
Ко желтому ко песочку, к агаманову домочку да домочку.

Весла в лодку, самы на берег. Выйдут на берег и запляшут:

И толь на горке, на горочке,
На высоком пригорочке,
Там стояли-то два дубчика,

³ Фарбант — фабрикант.

На тех дубчиках голубчики сидят,
Промеж себя разговаривают,
Нас, молодчиков, подхваляют:
Где найти бы нам такого молодца,
Что поднес бы нам по рюмочке винца.

Ф а р б а н т:

Только вышел за ворота,
Точно так теперь и я,
Говорить немного стану,
Вы поверьте мне, друзья, —
Попадался старичонок
И с боченками в руках.

(Бросает его на пол)

Вот тебе, атаман-господин, винцо-пивцо,
Пей-попивай, фарбантов шайки не забывай.

(Запевают)

Друзья, бутылки наливайте
И лейся через край вино.
Свою отчизну не забывайте
И осушайте в рюмках дно.
Мы заберемся в лес дремучий,
Землянки выроем мы там,
Свою добычу и прибычу
Всегда разделим пополам.
Взойди, взойди, красно солнышко, над горою,
над высоко-о-окою,
Над поляночкой да над широко-о-окою,
Обогрей нас, добрых молодцов,
Да нас, разбойничков, да беспорто-о-очников.

(Поет)

Что по бору, бору темному,
Ой люли, люли, да бору темному,
Бору темному, преужасному,
Ой люли, да преужасному.
Проходила-то там туча грозная,
Ой люли, люли, да туча грозная.
Впереди шел да атаманничек,
Атаманничек да тех разбойничков,
Ой люли, люли, да тех разбойничков.
Был он задумавша, запечаливша,
Ай люли, люли, да запечаливша.
Об одной да душе красной девушке,
Ай люли, люли, красной девушке.
Ему девушка, ему красная, и с ума нейдет,
Ай люли, люли, и с ума нейдет.
И с ума нейдет, да все мерещится,
Вот люли, люли, да все мерещится.

Н а т а ш а:

Как же мне быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой!

А т а м а н:

Ведите ее, негодную, посадите ее в тюрьму,
Морите ее голодом и жаждой!
(*Вот она посидела, опять выводят её*)
Он опять говорит: «Еще не одумалась?»

Н а т а ш а:

Как же быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой?
Несчастлива я на свет родилась,
Недолго жизнь моя цвела,
И я в темнице очутилась,
Чем виновата я была?

А т а м а н:

Предо мною не гордись,
На колени становись!
(*Она встала*)

Н а т а ш а:

Пусть же льются слезы током,
Пусть я в горести живу,
Пусть терплю такие муки
Я во сне и наяву.

А т а м а н:

Есаул, подходи быстрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда!
Сходи, приведи Наташу.
(*Наташу привели*)
Наташа, одумалась? Будешь ли моей женой?

Н а т а ш а:

Как же мне быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой!

А т а м а н:

Встань, встань, красавица,
Утетила ты меня своими словами.
Ты не хошь быть моею женою,

Так сделаю слугою.
Есаул, подходи быстрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда.
Здравствуй, друг есаул!
Сходи, приведи Зарезу.

З а р е з а:

Здравствуй, друг атаман!

А т а м а н:

Здравствуй, друг Зареза,
Никак ты пьешь все, как свинья.
Жениться будто ты желаешь,
Сказали мне вчера друзья.

З а р е з а:

Я жениться-то желаю,
Господин ты мой честной,
Взял бы я попову дочку замуж и с попом,
Только дали б мне приданого
Бочку полную с вином.

А т а м а н:

Ты все о водке мне толкуешь,
Пора и замолчать: водкой горло
Не запрудишь. Дурак, я дело укажу,
Тебе невесту отыщу: приутешь,
Приголубь, не делайся глуп.

З а р е з а:

(обращается к Наташе)

Скажи мне, пташка дорогая,
Скажи-ка, любишь ли меня?
Вся жизнь моя истлела,
В свете краше нет тебя.
Желаешь быть моей женою?

Н а т а ш а:

Да как мне быть твоей женой,
Когда ты пьяница лихой.

З а р е з а:

Я водки мало выпиваю,
Больше ложкою хлебаю,
Чтоб не напиться допьяна.

Вбегает еврей и пляшет:

Натася, выйди за меня замусь,
Я живу богато,
У меня двор цертей, огород цервей,
Корова ялова, телила дьявола.

Вбегает рыцарь и подрыварь — Наташины братаны и налетают на атамана:

Не ты ль, злодей, адский подлец,
От которого помер наш несчастный отец.
Не ты ль, злодей, губителем был,
Убил и брата двоюродного, убил сестру нашу родную,
Разбойник, дерзкий человек,
И ад разинет свою пропасть, проглотит тебя навек.
Они кричат: «Коли его!» — и ранят атамана.

Он падает на колени, упирается штыком в землю, дрожит рука.

А т а м а н разбойникам и есаулу:

Друзья, прощайте, я помираю!

Обращается к Зарезе:

А ты, друг мой, пойдешь домой,
Скажи моей семье родной,
Чтоб не ждали меня домой. (*Умирает*).

Поют песню:

Зайди, зайди, красное солнышко,
Над горою, над висо-высокою,
Над горою над висо-высокою,
Над поляночкой широ- да широкою,
Обогрей нас, добрых молодцев,
Нас, разбойничков, да добрых молодцев.